

Штудии

Николай Сомин

К ПОРТРЕТУ АЛЕКСЕЯ СТЕПАНОВИЧА ХОМЯКОВА

В этом году исполняется 210 лет со дня рождения выдающегося русского мыслителя Алексея Степановича Хомякова. Мы предлагаем читателю серию заметок об этом замечательном человеке. Они не претендуют на систематическое изложение мировоззрения мыслителя. Просто заметки, где биографическое перемежается с мировоззренческим.

Хомяков как мыслитель очень сложен, хотя с первого взгляда кажется, что он говорит о простых вещах, — его статьи в основном направлены на доказательство истинности «славянофильского» (точнее, прорусского) мировоззрения, которое ныне для русских людей является совершенно естественным. Но дело в том, что за этой очевидной мыслью у Хомякова лежит огромный пласт философских, исторических, социальных и богословских мировоззренческих идей, совсем не очевидных, весьма оригинальных и далеко не непротиворечивых.

Но начнём мы со слов Ю.Ф. Самарина, верного его ученика и младшего сподвижника по славянофильству, слов хорошо известных:

«Как? Хомяков, живший в Москве, на Собачьей площадке, наш общий знакомый, ходивший в зипуне и мурмолке; этот забавный и остроумный собеседник, над которым мы так шутили и с которым так много спорили; этот вольнодумец, заподозренный полицией в неверии в Бога и в недостатке патриотизма; этот неисправимый славянофил, осмеянный журналистами за национальную исключительность и религиозный фанатизм; этот скромный мирянин, которого семь лет тому назад, в серый, осенний день, в Даниловом монастыре, похоронили пять или шесть родных и друзей да два товарища его молодости; за гробом которого не видно было ни духовенства, ни учёного сословия; о котором через три дня после его похорон "Московские ведомости", под бывшею их редакциею, отказались перепечатать несколько

ШТУДИИ

строк, писанных в Петербурге одним из его друзей; которого ещё недавно та же газета, под нынешнею редакциею, огласила иересиархом; этот отставной штаб-ротмистр, Алексей Степанович Хомяков — учитель Церкви? Он самый».

Самарин — один из тех, кто понял истинный масштаб этого человека: «учитель Церкви». Многие считали и считают эту характеристику преувеличенной. Но представляется, что Самарин прав. Да, Хомяков, учитель Церкви, замечательный богослов, сказавший о Церкви так, как до него это не смог сделать никто.

Но в то же время ясно видно изумление Самарина перед тем несомненным фактом, что Хомяков — человек, отнюдь не пренебрегавший мирским. И даже наоборот — активно и с большой заинтересованностью трудившийся над вполне земными делами. Как такое может сочетаться? Ведь перед нами обычно возникает портрет богослова, отринувшего всё мирское, душой как бы уже переселившегося в мир иной и потому способного внимать глаголам Божиим. А тут — помещик «в зипуне и мурмолке», «отставной штаб-ротмистр», «наш общий знакомый»... Нет, такое для богослова, «учителя Церкви» немислимо. Тут что-то не так. Загадка...

А вот ещё изумеваящая загадка, которую нам преподносит уже Сам Господь.

В 1931 г. было решено ликвидировать кладбище Даниловского монастыря, а захоронения наиболее известных людей, в том числе и Хомякова, — перенести на Новодевичье кладбище. Могила Хомякова была вскрыта, и рабочие были поражены — полностью сохранился весь скелет, а кроме того, прекрасно сохранилась одежда — она почти не подверглась глению. Фактически это были мощи. Власти решили об этом не распространяться, хотя свидетелей было достаточно, и перезахоронение произвели без огласки. Кстати, тогда же на Новодевичье кладбище были перезахоронены Гоголь, Языков, Аксаковы — теперь их могилы рядом.

Мощи — знак святости, хотя и далеко не достаточный (а на Афоне даже наоборот — это признак плохой жизни). И всё же, так или иначе, Господь прославил своего раба. Разве не оправдываются этим вещи слова Самарина о Хомякове как учители Церкви? А может быть, дело в праведной жизни этого замечательного человека? В любом случае думается, что познакомиться поближе с жизнью и трудами раба Божия Алексея будет безынтересно.

Основная интуиция Хомякова довольно проста: противопоставление свободы и необходимости. В своей «Семирамиде» — записках по мировой истории — он выводит два принципа: иранство и кушит-

ство. Иранство — свобода, творчество, органичность и естественность; кушитство — необходимость, насилие, закон, искусственность, История есть диалектическое, так сказать гегелевское, взаимодействие этих двух начал, и это взаимодействие движет историю. И Хомяков на множестве исторических примеров, причём взятых независимо от культурного контекста и периода времени, показывает борьбу этих начал. Хотя он старается соблюдать объективность, но всё же видно, что все его симпатии на стороне иранства. Конечно же, Хомяков писал не историю, а объяснение истории, историософию. Обширные исторические познания Хомякова тут становятся материалом для осмысления и обобщения.

Но по сути дела этим двум категориям — иранству и кушитству — Хомяков придаёт огромную универсальность — это как бы два принципа, два полюса, присутствующие в любой человеческой деятельности. В том числе и в социологии: органичности, то есть иранству противопоставляется искусственная построенность, свободе — насилие и рабство.

Община и государство. Так, например, русская крестьянская община для Хомякова органична. Она возникла естественным образом, является продуктом самодеятельности самих крестьян. А потому — свободна. Хомяков первый из социоло-

гов предложил принцип «органичность vs искусственность». Позже этот принцип подробно развил немецкий социолог Ф. Теннис.

Община, по Хомякову, составляет основу общества. Государство же — искусственная надстройка над обществом, «аппарат насилия», как сказали бы марксисты. Потому государство — мёртвая структура, в отличие от живой общины. Хотя Хомяков, разумеется, признаёт необходимость государства, но все его симпатии — на стороне общества, общины. По сути дела государственная модель Хомякова — сеть самоуправляемых общин, которые договариваются и сотрудничают между собой. Говоря языком XX века — советы. Хомяков если и государственный, то очень умеренный. Либерализм, самоуправление, даже анархичность — вот идеи, которые характерны для Хомякова. И поскольку Хомяков главенствовал, эти идеи стали общими и для всего славянофильского движения, за что и снискали нелюбовь высокопоставленной бюрократии. Вот так своеобразно интерпретировал Хомяков третий член знаменитой уваровской триады «православие, самодержавие, народность».

Власть. Принимает Хомяков и самодержавие. Но опять-таки по-своему, «по-советски». Источником власти он признаёт народ, который делегирует её самодержцу. Самодержец же ответственен как перед наро-

ШТУДИИ

дом, так и, в силу своей обязательной православности, перед Богом. Такой подход вызывает негативную и даже негодующую реакцию у наших пламенных монархистов, считающих, что вся власть от Бога, и потому самодержец в своём правлении отвечает только перед Создателем и ни в коем случае перед народом. Конечно, если историю творит только Бог, а человек пассивен, то они правы и Хомяков в плену западной теории общественного договора. Но впечатление такое, что он «в плену» совершенно сознательно. Хомяков — гуманист. Конечно, он прекрасно понимает, что есть Промысел Божий, но он не всё определяет.

Человек, как образ Божий, способен сам влиять на свою судьбу, и следовательно — творить свою историю. Активность и ответственность человека — вот что исповедует Хомяков. Но раз народ творит свою судьбу, то он, наряду с Богом, имеет и власть. И значит, он эту власть может отдать правителю, но и спрашивать с него. В этом, в «двойном подчинении», вся сложность положения самодержавного правителя.

Таким образом, Хомяков — либерал не только в смысле свободы политической, но и в смысле свободы воли.